

СТРАНИЦЫ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

*Светлой памяти участников героических
и трагических событий посвящается...*

Продолжение. Начало в № 17-18-19, 2001 г.

В системе трубопроводов были большие разрывы. Чтобы выяснить, где именно пробивается вода, подаваемая для охлаждения аварийного реактора, А. Ситников, не взирая на огромную радиационную опасность, тщательно исследовал места утечки и доложил руководству, откуда надо ждать большей опасности. Метр за метром, он вместе с Чугуновым обходил многочисленные коммуникации, связывающие четвёртый блок с третьим, тогда же у него и возникла мысль найти новый способ охлаждения активной зоны реактора и он лично открыл задвижку аварийной системы охлаждения реактора.

Вскоре А. Ситников был уже на блочном щите управления блоком (БЩУ-4). Опасность была велика, но только здесь можно было выяснить истинные причины происшедшего, установить, что можно сделать в создавшихся условиях. Это были часы мужества. Он не жалел себя в ту ночь и в то утро, — скажет потом Вадим Грищенко, его старый товарищ, — мы заметили, что Анатолий уже плохо выглядит, и убеждали его идти в санчасть, но он снова и снова рвался к четвёртому блоку. И только к полудню его отвезли в больницу г. Припяти, а потом его сразу отправили в Москву, в клинику № 6. Чувствовал он себя плохо, но беспокоился о товарищах, спрашивал о Телятникове, Чугунове, Паламарчуке, Нехаеве, Перевозченко, Русановском.

— «Авария на станции, — рассказывает второй секретарь Припятского горкома партии В. Лукьяненко, — высветила, кто чего стоит в нашем коллективе. Оказались у нас, к сожалению, и люди, испугавшиеся опасности, ставшие дезертирами, но проявили себя и истинные герои.

Таким был Анатолий Андреевич Ситников». В те часы он прожил самую трагичную и лучшую часть своей жизни.

А.А. Ситников умер от ОЛБ в клинической больнице № 6 г. Москвы в мае месяце, похоронен на Митинском кладбище. Он посмертно награждён высокой правительственной наградой. Это был замечательный человек, преданный своему делу, пользовавшийся заслуженным авторитетом и уважением коллектива АЭС.

Память о нём будет всегда в сердцах людей, знавших его и работавших вместе с ним!

...«Я остался жив, благодаря Валерию Перевозченко, — считает Александр Юрченко, я не хотел уходить с блока, в 5 утра он заставил меня выйти. Встретились мы с ним только в больнице. Точной радиационной обстановки мы не знали, как и состояния взорвавшегося реактора, понимали только, что она угрожает жизни!» Но паники не было. Действовали собранно и мыслили трезво и осознанно. Потом, анализируя все действия персонала на блоке, поражаюсь, насколько они были правильными. Страшно не было, люди делали всё, что было в их силах».

В. Перевозченко также похоронен на Митинском кладбище в Москве.

...В первые часы после аварии нужно было выяснить, сохранился ли водород в статорах турбогенераторов № 7 и 8. Его наличие грозило возможным взрывом в машзале. Выдвигали различные варианты его удаления, но, как потом выяснилось, это сделал оперативный персонал станции; в тех тяжелейших радиационных условиях А.И. Баранов произвёл вытеснение водорода из статора ТГ-7. Он погиб. Из статора ТГ-8 водород аварийно вытеснил по указанию начальника смены турбинного цеха № 2 (ТЦ-2) Г.В. Бусыгина машинист паровой турбины № 8 Ю. Корнеев.

Погибли старший инженер управления реактором (СИУР) Леонид Топтунов и начальник смены блока № 4 (НСБ) Александр Акимов.

Это на них (последних) была возложена основная вина персонала и их ошибки положены в основу трагедии по официальной версии причины аварии, а не проявление скрытых от них и всех других недостатков конструкции системы управления и защиты (СУЗ) реактора, его конструкции, а также просчётов учёных в физических характеристиках реактора.

Они были уверены в своих действиях. СИУР нажал кнопку аварийной защиты реактора (АЗ-5) по команде начальника смены блока после выполнения программы испытаний

«выбега» ТГ-8, нажал до появления предупредительных сигналов по превышению мощности и скорости (АЗМ и АЗС), от которых защита реактора сработала бы автоматически, (она не была выведена из работы — АЗМ и АЗС), нажал кнопку АЗ-5 с опережением, не дожидаясь автоматического срабатывания защиты от сигналов превышения мощности АЗМ и скорости АЗС, как показала последующая расшифровка системы диагностической регистрации (ДРЕГ) блока № 4.

Но кнопка АЗ-5, которая аналогично тормозу в автомобиле, должна была остановить реактор, сработала наоборот, разогнала реактор на мгновенных нейтронах. Ситуация была парадоксальной, а парадокс состоял в том, что если бы СИУР не нажал кнопку АЗ-5 и АЗ-5 «муфты», то реактор «заглох» бы сам в связи с тем, что запас по реактивности его был близок к нулю и реактор должен был через несколько минут попасть в «йодную яму» и остановиться, но данный режим остановки реактора не был рассмотрен в «Техническом обеспечении безопасности реактора» (ТОБ реактора) и в «Технологическом регламенте эксплуатации АЭС» и был неизвестен оперативному персоналу ЧАЭС, а дополнительные меры ядерной безопасности реактора при проведении «эксперимента» не были разработаны в «Программе испытаний».

СИУР, убедившись в том, что стержни СУЗ остановились, не дойдя до нижних концевых выключателей, вывел ключ «АЗ-5 муфты» — снял питание с муфт сервоприводов СУЗ, дублирующую АЗ-5 при обесточивании СУЗ, когда стержни СУЗ идут в активную зону реактора под собственным весом. Более поздняя расшифровка диаграммной ленты реактиметра реактора подтвердила факт работы реактора до нажатия СИУРом кнопки АЗ-5 на стабильном уровне мощности. На диаграммной ленте реактиметра до нажатия кнопки АЗ-5 была прямая линия, а это означало что К(эффективный) = 1 (эффективный коэффициент размножения нейтронов, а коэффициент реактивности = 0).

...Из воспоминаний бывшего заместителя начальника турбинного цеха № 2 Р.И. Давлетбаева, технического руководителя испытаний «выбега» ТГ-8 от ТЦ-2, начальника смены № 5 Рогожкина Б.В., начальника смены ТЦ-2 Бусыгина Г.В., начальника смены РЦ-2 Камышного С.В. и других участников тех событий.

Рассказывает Р.И. Давлетбаев: «Авария на 4 блоке застала меня в помещении БЩУ-4. Испытания ТГ-8 в режиме «выбега» закончились 26 апреля 1986 г успешно и причина аварии на блоке № 4 заключалась не в этих испытаниях». Программа предстоящего испытания, выполнявшаяся ЧАЭС не раз на блоке № 3, в части работы турбинного оборудования представляла разгрузку турбогенератора до 50 мВт и закрытие подачи пара на турбину с БЩУ-4 (закрытие стопорно-регулирующих клапанов (СРК) т.е. обычные штатные операции).

Для испытания возможности использования кинетической энергии «выбега», вращающегося ротора ТГ-8 после прекращения подачи пара на турбину была разработана программа совместно с предприятием «Донтехэнерго», электроцехом, турбинным и реакторным цехами № 2 и Чернобыльской пуско-наладочной бригадой предприятия «Смоленскатомэнергоснабдака». Суть программы состояла в том, чтобы убедиться, что при обесточивании энергоблока при потере электроснабжения собственных нужд блока от внешней энергосистемы в первые 15-20 секунд (до запуска по автоматике дизель-генераторов автономной ДЭС — дизельной электрической станции) турбогенератор обеспечит подачу электроэнергии для питания механизмов, обеспечивающих теплосъём с активной зоны реактора до момента разворота и включения ДЭС.

При положительных результатах испытания ввести схему в эксплуатацию, как одну из подсистем аварийного охлаждения реактора, предусмотренную проектом, для чего необходимо было опробовать модернизированный после предыдущих испытаний на блоке № 3 предприятием «Донтехэнерго» блок выбега в системе возбуждения генератора ТВВ-500-2 в режиме электродинамического торможения под нагрузкой.

(Продолжение следует.)

Николай ПОПОВ,
с июня 1986 по февраль 1987-го в качестве
инженера-инспектора «Госатомэнергонадзора» осуществлял контроль
за сооружением объекта «Укрытие».